

Он делал волнующие, незаурядные фильмы, и они отмечены призами на международных кинофестивалях. Но это лишь предшествовало созданию кинотрилогии — «Мольба», «Древо желания» и «Покаяние», ставшей событием советского и мирового киноискусства. Сегодня народный артист СССР кинорежиссер Тенгиз Евгеньевич АБУЛАДЗЕ — гость 13-й страницы.

— Тенгиз Евгеньевич, почему вы избрали кинематограф и именно режиссуру? Какими были к этому предпосылки в вашем детстве, в юности?

— У нас в семье не было художественных традиций. Отец, Евгений Моисеевич, был врач. Мама, Александра Яковлевна, по образованию экономист, а в сущности домашняя хозяйка. С малых лет я полюбил театр. Жили мы совсем рядом с марджановским театром и часто ходили на спектакли, а актеры там были великолепные, лидеры грузинской сцены. Это первое. Второе: сильнейшее впечатление произвел на меня фильм Эйзенштейна «Иван Грозный». Я в детские годы рисовал, пробо-вал валять. А у Эйзенштейна каждый кадр выписан, как картина. Пожалуй, именно это очень повлияло на выбор. По сей день придаю изобразительной стороне фильма колоссальное значение... Стал учиться в режиссерской группе, которую набрал Георгий Александрович Товстоногов, когда работал в Тбилиси, в русском театре имени Грибоедова. Хорошая была группа, но через два года Товстоногов уехал из Тбилиси, и тогда мы с Резо Чхеидзе отправились в Москву, во ВГИК. Могли перевестись на второй курс, но предпочли начать сначала, потому

— Нет! Начиная новый фильм, я ничего не знаю! Я — новичок! И это снова мой первый (и, кстати, последний) фильм... Знаете, я по природе человек открытый. Близкие часто говорят: «Нельзя быть таким наивным». А по-моему, только так и нужно! Без наивности нет искусства. Счастливый дар — умение по-детски наивно удивляться. Если художник все про все знает, перестает удивляться, он перестает быть художником.

У нас классе в девятом был чудесный преподаватель литературы — Григорий Кикнадзе. Однажды он дал задание: «Ребята, мы с вами говорим, что Пушкин — гений, Руставели — гений. А в чем их гениальность? Сегодня суббота, в понедельник выскажите соображения на эту тему». Мы нагородили рассуждений, у каждого возникла своя теория. Учитель терпеливо выслушал нас и потом сказал: «Гениальность этих людей — в их этакости. Все говорят так, а они — этак. То, о чем они писали, было известно еще до нашей эры, а вот как они писали!.. Форма и стиль...». Эти его слова не только разумом, я их всем существом осознал.

— Ваша трилогия заставляет думать, тревожиться, негодовать. Она не из легких для восприятия...

— Она — из легких, если у зрителя возникает с фильмом контакт чувств, а не умозрительный.

— Ваш кинематографический язык — яркая образность. Вот уж где «этакость»! Как обрели такое видение — путем долгих поисков, многих проб, трудных размышлений?

— Да, проб и поисков бесконечных. Каждый фильм трилогии — совершенно иное прочтение, разные стили и формы. В «Покаянии» переплетаются элементы абсурда, сюрреализма, гротеска, фантазмагии. Но вы-плеск всего этого — не самоцель,

сказанное хорошим зрителем», «Анализ эпизода», «Партитура персонажей»... Один приятель, увидев впервые содержимое этих папок, воскликнул: «Так тут же целая докторская диссертация!» Ну, диссертация не диссертация, а подспорье для искусствоведа — точно.

Но не в этом главная трудность работы. Если бы можно было, я, клянусь, поделил бы все награды, полученные за фильм «Покаяние», с Эдуардом Амвросиевичем Шеварднадзе. Не будь его, не было бы этого фильма! Когда задумывалась картина, он был первым секретарем ЦК КП Грузии. В 1981 году мы показали товарищу Шеварднадзе заявку на сценарий

гучим массам здесь просто нечего смотреть». Картина Феллини вышла на наши экраны через четверть века после того, как получила главный приз Московского кинофестиваля... Я уже говорил, что у художника должна быть выстраданная тема. У меня это тема протеста против насилия, тирании, унижения человека человеком. Человеком, не обязательно обладающим властью: в первом фильме, который мы сделали вдвоем с Резо Чхеидзе, в «Лурдже Магданы» (его я и считаю «половиной»), такой тиран, такой мучитель — угольщик. Тирания — не прерогатива должностных лиц. Какой-нибудь лавочник или просто распоясавшийся муж может быть

пускаю. Там происходит таинство, как бы объяснение в любви, в котором ваш диктофон стал бы третьим лишним. У меня бывает так: осветитель где-нибудь на колосниках играет с кем-то в домино. Я его почти не вижу, но ощущаю и поэтому работать не могу. Зову его вниз, беру под руку, прохаживаемся, и я спрашиваю: «Понимаешь, снимаю такой-то эпизод, хочу с тобой посоветоваться...» После чего он уже не стучит в «козла». Психотерапия, убивающая сразу двух зайцев!

— Возможен ли в вашей постановке фильм иного стиля? Скажем, в мажоре «Тихого Дона» Герасимова? Без аллегорий и метафор?

— Главное — тема. Тема! А как ее воплотить — можно сделать и фарс, если это логично.

— Иной режиссер предпочитает помощников послушных, как пластилин. А вы?

— Нет, такие, что постоянно хвалят и смотрят в рот, мне не нужны. Это хамелеоны. С участницей съемок «Покаяния», вторым режиссером Нелли Кутателадзе, мы так ссорились из-за трактовки одной сцены, что она даже гневные письма мне писала...

— Есть изречение, которым вы руководствуетесь в жизни?

— Слова Чавчавадзе: «Ты будешь настоящим человеком, когда станешь каждый день спрашивать у себя отчет: что сделал доброго для ближних?»

— К чему вы по-человечески равнодушны?

— Ни к чему. Меня все интересует.

— Трудно нести бремя славы?

— Помню фразу Бальзака: «Слава — товар невыгодный, приобретается трудно, а сохраняется плохо и недолго».

— Вы согласились бы стать режиссером и исполнителем главной роли в фильме «Тенгиз Абуладзе»?

— Одну роль каждый человек может сыграть. Так же, как одну книгу написать. У каждого накапливается впечатлений, мыслей, чувств, ассоциаций как раз на одну книгу. А мастерство (или его отсутствие) сказывается со второй... Я невысокого мнения о своих внешних данных. И не советовал бы людям, чье мнение уважаю, идти на фильм «Тенгиз Абуладзе», тем более со мной в главной роли.

— Предположим, ваша жена и квестка ушли по делам; сами вы сможете приготовить себе поесть?

— Все умею. Фирменного блюда (как у Герасимова — пельмени) у меня нет, но, ухаживая во ВГИКе, жил в общежитии и то, что студенту положено уметь, умел. Приготовлю.

— А как ваш внук Торнике (так ведь зовут и мальчика в «Покаянии») воспринимает фильмы дедушки и проекты отца, архитектора Георгия Абуладзе?

— О, пылко! За ним вообще очень интересно наблюдать. В восемь лет это вполне самостоятельная, но чрезвычайно эмоциональная личность. Пошли мы на «Ричарда III» в постановку Роберта Стурра, и он так бурно переживал зрелище, что его приходилось успокаивать, чтобы не мешал соседям по ряду...

— И еще один вопрос, Тенгиз Евгеньевич. Как относитесь к «Мравалжаммер» (или, может быть, у вас какая-либо другая любимая песня)?

— Нет, именно «Мравалжаммер»! Я часто пою ее — не вслух, а внутри себя. «Мравалжаммер» — актуальнейшая песня, потому что: «Много веков да живет и здравствует человечество!».

Гостя расспросили Гагик КАРАПЕТАН, Эдуард ЦЕРКОВЕР.

Сфотографировал М. ДАТИКАШВИЛИ.



Тенгиз

Абуладзе

что первый курс набирал Ютквич. Слушали лекции Эйзенштейна, Пудовкина, Довженко, в ЦДРИ — лекции Михоэлса. У меня были самые хорошие отношения с Михаилом Ильичом Роммом. И он оказал на меня огромное влияние своим творчеством. Видите, какие у нас были Учителя!

— Пожалуй, сформулируйте ваше нравственное и художественное кредо.

— Они сливаются — нравственное и художественное. Недавно меня спросили: «А как у вас, у режиссера Абуладзе, с перестройкой?» Я ответил: «У меня с перестройкой нормально. Кто видел мой фильм двадцатилетней давности «Мольба» и новый — «Покаяние», тот поймет, что кредо мое все то же: правда и только правда. Никогда не говорить: «Да!», если сердце считает: «Нет!» В этом смысле мне перестраиваться нет надобности, а вот развиваться, углубляться — нужно. Чем отличается художник от ремесленника? Ремесленник легко порхает от темы к теме, он владеет ремеслом и все умеет.

А у художника — выстраданная тема. Мне говорили: «Без борьбы легче жить». Но я не мог без борьбы. И межкартинные простои на пять-семь лет не останавливали. А что такое простой? Это когда на копеечки не получаешь. Но на компромиссы не мог пойти и не смогу, это стало уже образом жизни. Существует грузинская поговорка, которая переводится примерно так: «Мне поется, и я пою». Бесстрастного искусства ведь не бывает, да? Без мысли, глубокой, философской, страстной мысли нет значительного произведения искусства.

— И, наверно, к мысли прибавляется опыт всего того, что было сделано раньше?

просто время Варлама Аравидзе было абсурдным и фантазмагорическим, потому что средства его осмысления избраны такие. В «Мольбе» персонажи говорят стихами, а ведь кино по своей природе искусство сугубо реалистическое, даже подчас натуралистическое.

— А если решение приходит не сразу, если вы еще в тупике, что помогает найти выход?

— Когда очень много думаешь о конкретном эпизоде или образе, о какой-то реплике, — в конце концов находишь. У меня это случается и во сне (подкорка-то продолжает трудиться!). Знаю, что завтра в 9 утра должен быть на съемке с готовым режиссерским планом, а раз у меня решения еще нет, то голова работает сама. Просыпаюсь и набрасываю весь план...

— Можно лишь догадываться, насколько мучителен и трудоемок ваш поиск.

— Лучше раз увидеть. (До-стает из шкафа несколько толстых папок). Все эти четыре папки — по одной картине. На каждой папке, видите, девиз. Вот на этой написано: «Искусство создает действительность, а не отражает». А теперь посмотрим, что внутри. (Извлекает листы и тетради). Предварительные заметки к «Древу желания», разработки: «Образ Фуфаль» (помните, Софию Чау-рели играла Фуфалу?), «Феномен Фуфаль», «Для уточнения характера Элиоза», «Для переосмысления финала картины», «Содержание фильма, рас-

сказанное хорошим зрителем», «Анализ эпизода», «Партитура персонажей»... Один приятель, увидев впервые содержимое этих папок, воскликнул: «Так тут же целая докторская диссертация!» Ну, диссертация не диссертация, а подспорье для искусствоведа — точно.

Но не в этом главная трудность работы. Если бы можно было, я, клянусь, поделил бы все награды, полученные за фильм «Покаяние», с Эдуардом Амвросиевичем Шеварднадзе. Не будь его, не было бы этого фильма! Когда задумывалась картина, он был первым секретарем ЦК КП Грузии. В 1981 году мы показали товарищу Шеварднадзе заявку на сценарий страшным деспотом. «Лурджа Магданы» — начало нити, проходящей через всю мою работу.

— Что-то дается вам в работе легко, с ходу?

— Абсолютно ничего не могу сделать легко. Все — трудно. Но не должно быть трудно на экране... Вот, взгляните, это книги писателя из ФРГ Гюнтера Грасса: он хочет, чтобы я снял фильм по его роману. В связи с этим только что приехала ко мне группа коллег из ФРГ. Привезли готовый сценарий, даже переведенный для меня на русский язык: историю о том, как во время войны один немец спас от смерти тысячу еврейских детей. Поразительная история! На роль этого немца пригласили знаменитого актера Клауса Брандауэра, а он сказал, что согласится, если ставить будет Абуладзе. Или вот дру-гое произведение Грасса — «Крысиха», также предложение продюсеров ФРГ. Здесь сюжет апокалиптический: человечество погибает, остаются одни крысы, на которых не действует радиация. Тоже интересная задача для режиссера.

— Но вы же сейчас делаете картину об Илье Чавчавадзе! Одновременно размышляете и о следующих фильмах?

— Ну, во-первых, не одновременно. То есть я размышляю, но не целеустремленно. Я этими следующими фильмами, образно говоря, еще не забеременел. Продолжаю свою тему; трилогия может превратиться в тетралогия, более дальние замыслы тут отвлекать не могут.

— Почему вы нас поинтересовали для этой беседы к себе домой, а не на съемочную площадку?

— Выразил таким образом уважение к «Неделе». Я не позову домой человека, которого не уважаю. А на съемочную площадку даже своих родных не